

Грэм Баркер

В статье рассматривается, как археологи могут исследовать ранние этапы истории пастушеского и отгонно-пастбищного скотоводства в Италии. Широкомасштабное отгонно-пастбищное скотоводство – передвижения животных на сотни километров между летовками в горах и зимними пастбищами на равнинах – должно практиковаться в определенном политическом контексте, создающем возможности для защиты обеих зон пастбищ и соединяющих их путей перегона скота. Как правило, оно осуществлялось в форме капиталистического предпринимательства, государственного либо частного. Данные источников показывают, что в Италии такая система скотоводства наверняка восходит к древнеримской эпохе, к периоду Поздней республики и Ранней империи.

Для изучения природы пастушеского скотоводства в доримскую эпоху у археологов имеется широкий выбор технических методов, в частности, относящихся к археологии окружающей среды (археоботаника, археозоология, палинология и т.д.). Однако для совершенствования нашей методики распознавания признаков пастушеского скотоводства в данных археологических источников необходимо изучать этноархеологию современных обществ, с тем чтобы выяснить, какие именно археологические «метки» оставляют различные виды человеческой деятельности. О такого рода этноархеологических исследованиях в статье рассказывается на примере изучения пастухов и земледельцев, живущих в годах Чиколано в центральной Италии. Кроме того, описывается пример археологического исследования – комплексное изучение системы поселений в долине Биферно на основе данных разведок (survey) и раскопок. Это исследование показывает, что в хозяйствах земледельцев эпохи неолита имелось небольшое число домашних животных, которых забивали на мясо; в период позднего неолита (когда получение молока и шерсти стало столь же важной задачей овцеводства, как и получение мяса), возросло значение пастушеского скотоводства, а практика отгонно-пастбищного скотоводства началась – хотя и в очень небольших масштабах – вероятно, в конце бронзового и в начале железного века, когда поселения наконец распространились в горах Апеннин. Последние полевые археологические исследования показали, что общество и экономика самнитов в III–II вв. до н.э. были более сложными, чем считалось до сих пор. В действительности это было уже протогородское общество, и вполне возможно, что организованное отгонно-пастбищное скотоводство, по структуре – если не по масштабам – сопоставимое с тем, что существовало в более поздние периоды, возникло как один из видов деятельности элиты в рамках таких обществ.

© 1999 г.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 68–69 гг. КАК ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ РИМСКОЙ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ДЕРЖАВЫ

По словам Г. Бенгтсона, гражданская война 68–69 гг. явилась глубоким разрывом во всей истории Римской империи¹. Естественно, что она привлекала немалое внимание исследователей. Больше всего ученые обращали внимание на событийную сторону этого короткого, но бурного периода². Рассматривались и другие аспекты войны: отношения эфемерных принципсов к различным социальным группам римского

¹ Bengtson H. Die Flavier. München, 1979. S. 30.

² Stevenson G.H. The Year of the Four Emperors // CAH. X. 1934. P. 808–839; Wellesley K. The Long Year A.D. 69. Bristol, 1975; Greenhalgh P.A.L. The Year of the Four Emperors. N.Y., 1975; Syme R. Tacitus. Oxf., 1958. P. 157–175.

общества и позиция последних, программы протагонистов событий, роль войны и армии в формировании императорской власти³. Меньше внимания привлекала роль гражданской войны 68–69 гг. в становлении единой средиземноморской империи.

Известно, что в отличие от Римской республики, бывшей конгломератом провинций под неограниченной властью Рима, Римская империя явилась более или менее единым средиземноморским государством со столицей в Риме. Разумеется, нельзя думать, что положение вещей изменилось по мановению волшебной палочки с установлением единоличной власти Августа. Создание такого государства – это процесс, начавшийся задолго до Августа и закончившийся много времени спустя после его смерти. Начало этого процесса надо датировать 89 г. до н.э., когда Гней Помпей Страбон распространил на Транспаданскую область латинское гражданство. Новое качество процесс приобрел при Цезаре и вскоре после его гибели. Август в значительной степени его притормозил. Он довольно скупно давал гражданство и, как рассказывает Светоний (Aug. 40.3), даже отказывал членам своей семьи в их просьбах предоставить римское гражданство тем или иным людям и вообще предпочитал откупаться деньгами, чем разбавлять римскую кровь чужеземной. Провинциальная политика Тиберия носила еще более консервативный характер⁴. К цезаревской политике по отношению к провинциям пытался вернуться Клавдий⁵.

В целом политика Юлиев-Клавдиев в этом плане была непоследовательной. С одной стороны, объективное развитие вело к усилению взаимозависимости различных частей империи, к росту значения провинций, и императоры не могли этого не учитывать. Тот же Тиберий при всем своем консерватизме принимал меры по романизации провинций, по расширению сферы римского и латинского гражданства. Так, в Испании в его правление привилегированными общинами стали, вероятно, Дертоза и Клуния⁶. Тогда же стали появляться и провинциальные сенаторы⁷. Вообще принцепсы включением в сенат выходцев из провинций стремились как-то «разбавить» этот орган и сделать его более управляемым. С другой стороны, сами же императоры тормозили интеграцию провинций в общеимперскую структуру. Это объяснялось как личными качествами государей, разделявших предубеждения римской аристократии, так и обстановкой в Риме.

Римское гражданское население состояло из сенаторов, всадников и народа, который именуется то *plebs*, то *populus* (sp. Suet. Cal. 49.2). Сенаторы и примыкавшие к ним знатные всадники (*primores equites*) занимали резко консервативные позиции. В свое время в условиях гражданских войн и репрессий, особенно во времена второго триумvirата, положение римской аристократии значительно пошатнулось. Многие ее представители были уничтожены физически. Достаточно вспомнить, что в результате проскрипций триумвиров погибло около 300 сенаторов (App. Bell. civ. IV. 5). Но, упрочив свою власть, Август пошел на примирение со старой знатью и даже на намеренное ее возвышение. Сама правящая династия принадлежала к высшей знати и стремилась привлечь к себе другие аристократические роды⁸. Если в начале своего единоличного правления Август опирался в основном на своих личных приверженцев, многие из которых не были связаны со старинным нобилитетом, то постепенно последний берет реванш. И уже в период с 16 по 7 г. до н.э. из 22 консулов 16 принадлежали к нобилитету, а между 5 г. до н.э. и 4 г. н.э. из 31 консула 21 были нобилиями; такими же были консулы последнего десятилетия августовского правления⁹. Надо заме-

³ Levi M.A. *Impero romano*. Torino, 1971. P. 154–171; *Chilver G.E.* The Army in Politics, A.D. 68–69 // JRS. 1957. 47. P. 29–35; Бокщанин А.Г. Социальный кризис в Римской империи в I в. н.э. М., 1954. С. 197–234; Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 189–203.

⁴ Alföldy G. La politique provinciale de Tibère // Latomus. 1965. XXIV. P. 824–844.

⁵ Levi. Op. cit. P. 116 s.

⁶ Galsterer H. Untersuchungen zum römischen Städtewesen auf der Iberischen Halbinsel. B., 1971. S. 31 f., 35.

⁷ Alföldy G. The Social History of Rome. L., 1988. P. 119.

⁸ Syme R. The Augustan Aristocracy. Oxf., 1986. P. 11.

⁹ Ibid. P. 56, 95, 97.

тить, что и те «новые люди», которые становились при Августе консулами, тоже в значительной степени принадлежали к сенаторским фамилиям, хотя и не достигавшим ранее консулата.

При преемниках Августа отношения между принцепсом и сенаторским сословием стали более сложными¹⁰, но в целом сенаторы сохраняли первенствующее положение в обществе¹¹. «Золотым временем» римской аристократии была Республика, и сенаторское «большинство», по выражению Г.С. Кнабе, придерживалось староримских этических ценностей¹², в число которых входило и сознание своего превосходства над провинциалами, стремление не допустить уравнивания их с прирожденными римлянами. Как уже говорилось, императоры пытались «разбавить» сенат выходцами из италийских муниципиев и видными провинциалами, но сенат благополучно ассимилировал этих людей, как это происходило и с *homines novi* в период Республики. И сенатор Сенека, будучи сам испанцем, издевался над покойным Клавдием, обвиняя его в том, что тот якобы заполнил сенат греками, испанцами, галлами и британцами, пытаясь всех их одеть в тоги (Sen. Aproc. 3.3). При всем своем сервиллизме сенаторы находили силы противодействовать попыткам принцепсов чрезмерно, с их точки зрения, расширить и сферу гражданства, и число вышедших из новых граждан сенаторов. Самый яркий и известный пример тому – неудача Клавдия пополнить сенат представителями аристократии всей «Косматой» Галлии: встретив стойкое сопротивление сената, Клавдий пошел на компромисс, добившись доступа в сенат только для эдучев (Tas. Ann. XI. 23–25).

Известно, что одной из наиболее эффективных форм вовлечения провинциалов в общеимперские дела было приобщение их к культу императора и богини Ромы. Вокруг провинциальных и межпровинциальных алтарей императора собирались соответствующие *concilia*, которые имели право и возможность напрямую обращаться к императору, в том числе и с жалобами на наместников, что в какой-то степени ставило последних под контроль управляемых и служило дополнительной мерой воздействия на вышедших из сенаторского сословия высших функционеров¹³. Это вызывало возмущение сенаторов, выразителем которого стал Тразея Пет, негодовавший по поводу «новой наглости провинциалов» (*novam provincialium superbiam*) и необходимости к ним подольщаться и требовал, чтобы оценка деятельности «наших» зависела только от суждения граждан (Tas. Ann. XV. 20–21).

Против расширения гражданства выступал и плебс. Он уже давно не играл прежней роли в управлении государством. С перенесением выборов магистратов из народного собрания в сенат (Tas. Ann. I. 15) были ликвидированы последние следы римской демократии. Но римский плебс еще представлял собой значительную силу, которая могла вмешаться в ход событий. Можно в связи с этим вспомнить роль толпы (*turba*) в установлении единовластия Калигулы (Suet. Cal. 14.1). Императоры, начиная с самых первых, подкармливали горожан, и забота о снабжении Рима всегда была у них одной из самых главных. И плебс не желал резкого расширения круга пользующихся императорскими щедротами. Ему, пожалуй, еще больше, чем просвещенным сенаторам, было свойственно предубеждение против всех неримлян¹⁴.

Отношение всадников к провинциальной политике императоров было неоднозначно. Верхушка сословия выступала обычно заодно с сенаторами. Часть всадников уже была вовлечена в императорскую администрацию (например, Tas. Ann. XII. 60) и, естественно, обязана была проводить политику правительства и разделять его принципы. Значительная же их часть была еще связана с откупам, сбором налогов и пошлин

¹⁰ Егоров. Указ. соч. С. 140.

¹¹ Alföldy. The Social History... P. 108, 115 f.

¹² Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 16 сл., 21–29.

¹³ Широкова Н.С. Императорский культ и собрание галльских провинций // Социальная и политическая структура античного общества. Л., 1982. С. 182 сл., 191; Gagé J. Les classes sociales dans l'Empire romain. P., 1964. P. 175.

¹⁴ Ср. Сергеев М.Е. Ремесленники древнего Рима. Л., 1968. С. 75.

(Тас. Ann. IV. 6; XV. 50–51), разработкой недр и другими доходными делами. Их отношение к распространению прав гражданства на провинциалов было, по-видимому, противоречиво. С одной стороны, их достоинство римских граждан облегчало ведение дел в провинциях и явно ослабляло угрозу конкуренции местного населения. Но, с другой стороны, постоянные связи с провинциями должны были втягивать их в местные дела и способствовать сближению их интересов с интересами провинциалов. Надо иметь в виду также, что в состав всаднического сословия входили и получившие римское гражданство провинциалы, имевшие всаднический ценз в 400 тыс сестерциев. Таковых в Гадесе, например, было 500 человек (Strabo. III. 5.3).

При всех своих деспотических наклонностях императоры не могли не учитывать расклад сил в Риме. И это, естественно, сдерживало интеграцию провинций. Гражданская война значительно изменила такое положение.

Начало войне положил наместник Лугдунской Галлии Гай Юлий Виндекс, поднявший в марте 68 г. знамя восстания против нероновской тирании. Современные исследования показали ошибочность старого представления об этом восстании как о национальном галльском движении, якобы ставившем целью освобождение Галлии от власти Рима¹⁵. В действительности оно было направлено не против Рима, а против произвола и эксцессов правящего императора¹⁶. И самым ярким доказательством этого является обращение Виндекса к Гальбе с предложением встать во главе анти-нероновского движения, дабы придать силы телу, ищущему головы, и стать освободителем и вождем рода человеческого (Plut. Galba. 4; Suet. Galba. 9.2). Пропаганда Виндекса и Гальбы вполне отвечала этим целям. Если верить Диону Кассию (LXIII. 22), Виндекс выступил на собрании галльской знати с резким осуждением грабежей, насилий и убийств, совершенных Нероном, его театральных выступлений, матереубийства и уничтожения цвета сената. Практически те же причины выступления приводил и Гальба: казни Нероном выдающихся деятелей, горестное положение государства (Suet. Galba. 10.1), а после гибели Виндекса он обратился к одержавшему над тем победу Вергинию Руфу с предложением объединиться для спасения государства и свободы (Plut. Galba. 6). На монетах и Виндекса, и Гальбы появляются такие легенды, как S.P.Q.R. MARS VLTOR, FLORENTE FORTVNA P.R., IVPITER LIBERATOR, LIBERTAS P.R., а также соответствующие изображения¹⁷. Интересно появление в одном случае фигуры Геркулеса с надписью HERCVLES ADSERTOR. П.А. Брант приводит в связи с этим цитату из произведения Сенеки «О благодеяниях» (1.13), где сравниваются Геркулес и Александр, причем первый именуется победителем наших бед, мстителем (vindex) за добрых, умиротворителем земли и моря, в то время как второй называется разбойником, опустошителем, губителем не столько врагов, сколько друзей, и при этом исследователь напоминает, что Александра своим образцом избрал Нерон (Suet. Nero. 19.2)¹⁸. Так что антинероновская импликация в образе Геркулеса несомненно присутствует.

Все эти лозунги отвечали прежде всего настроениям сената, точнее – той его части, которая свой идеал видела в олигархической республике, но была вынуждена примириться с принципатом, понимая неизбежность нового положения дел, требуя, однако, при этом определенных гарантий. Сам Гальба хорошо выразил эти настроения, заявив усыновленному им Пизону, что он хотел бы положить начало республике, но так как необходимость ведет по другому пути, то единственное, что его старость может сделать, так это дать римскому народу хорошего преемника, который станет хорошим принцепсом (Тас. Hist. I. 16). Правда, какое-то время, находясь еще в Испании, Гальба мог мечтать о восстановлении республики: недаром он отказался от

¹⁵ Brunt P.A. The Revolt of Vindex and the Fall of Nero // Latomus. 1959. XVIII. 3. P. 531–559; Greenhalgh. Op. cit. P. 6 f.; Levi. Op. cit. P. 154.

¹⁶ Например: Syme. Tacitus. P. 462.

¹⁷ Smallwood E.M. Documents Illustrating the Principates of Gaius, Claudius and Nero. Cambr., 1967. P. 38. № 70, 72.

¹⁸ Brunt. Op. cit. P. 546 f.

императорского титула, объявив себя лишь легатом сената и народа (Suet. Galba. 10.1; Plut. Galba. 5). Едва ли это надо рассматривать как знак неуверенности и колебаний¹⁹, ибо объявив себя легатом сената и народа (а не легатом императора, каковым он тогда был), Гальба уже встал на путь открытого мятежа. Однако находившиеся в Риме сенаторы никаких иллюзий по поводу возможности восстановления республики не питали, помня, по-видимому, неудачу такой попытки, предпринятой после убийства Калигулы, и провозгласили Гальбу императором (Plut. Galba. 7). Намереваясь действовать в полном согласии с сенатом, Гальба в духе староримских традиций не стал заискивать перед войском, особенно преторианцами, в которых справедливо видел материальную опору монархии, и отказался дать им подарок, столь обычный при восхождении на трон нового принцепса и к тому же уже обещанный (Tac. Hist. I. 5)²⁰. Сам Гальба заявлял, что он готов добиваться расположения солдат, но честно, а не подарками и лестью и что он набирает себе солдат, а не покупает (Tac. Hist. I. 5; 17). Но такие заявления уже давно не соответствовали реальной обстановке.

С победой Гальбы вектор развития на какое-то время сместился в сторону сената, т.е. республиканских элементов принципата²¹. И свержение Гальбы стало поражением сенатской аристократии. После этого старая знать уже значительной роли не играла. Хотя Отон и пытался заигрывать с сенатом, говоря, что из сенаторов рождаются принцепсы (Tac. Hist. I. 84), сенатской аристократии оставалось лишь следовать за событиями, прославляя каждого нового императора и тотчас отрекаясь от него в случае неудачи. Правда, аристократия вызывала подозрения, и Вителлий убил Юния Блеза именно из-за его знатности и богатства, делавших его потенциальным соперником (Tac. Hist. III. 38–39), так же, как Муциан – Кальпурния Галериана (Tac. Hist. IV. 11). Но эти страхи были чрезмерны и убийства бессмысленны.

Отон пришел к власти, опираясь на преторианцев. Его также поддерживали дунайская и восточная армии, соперничавшие с германской²². Но все же мобилизовать все силы на борьбу с Вителлием он не сумел или не успел, и, потерпев поражение, Отон покончил с собой, дабы избежать продолжения гражданской войны (Suet. Oth. 9. 2). Власть перешла к Вителлию. Вступив в Рим, Вителлий пытался добиться поддержки всех сословий. Еще сразу же после своего провозглашения императором он стал назначать всадников на должности в аппарате принцепса (*ministeria principatus*) вместо обычных вольноотпущенников (Tac. Hist. I. 58)²³, а позже запретил всадникам позорящее их участие в гладиаторских играх (Tac. Hist. II. 62).

Вителлий пытался добиться и поддержки сената. Он не только часто бывал на его заседаниях, но и допускал публичные споры, подражая демагогии Августа. И это по идее должно было нравиться сенаторам: ведь именно подобное поведение Нерона в начале своего правления вызывало в сенаторских кругах явное одобрение²⁴. Одобрение должно было вызывать и выдвижение императором в качестве примера Тразеи Пета; принцепс, по-видимому, делал жест примирения по отношению к стоической оппозиции²⁵. И все же в целом примирения с сенатом не получилось. Может быть, даже уже то, что Вителлий приводил пример споров именно с Тразеей, а не с кем-либо из могущественных (*ex graepotentibus*) вызвало недовольство лидеров сената и значительной части сенаторов, осмеявших Вителлия (Tac. Hist. II. 91). В решающий момент сенаторы и верхушка всадников отказали ему в поддержке (Tac. Hist. III. 59), а при попытке его отказаться от власти поспешили приветствовать Флавия Сабина (Tac. Hist. III. 69).

¹⁹ Wellesley. Op. cit. P. 5.

²⁰ Levi. Op. cit. P. 157.

²¹ Ibid. P. 180, 183; Егоров. Ук. соч. С. 192, 203.

²² Ср. Stevenson. Op. cit. P. 839.

²³ О роли этого акта Вителлия см. Кнабе Г.С. Примечания // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1969. С. 260. Прим. 155.

²⁴ Егоров. Ук. соч. С. 178 сл.

²⁵ Об оппозиции Тразеи Пета и ее стоической основе см. Bengtson. Op. cit. S. 229.

Иной оказалась реакция римского плебса. Надо заметить, что Нерон в свое время пользовался большой популярностью по крайней мере у части городского населения. Его празднества, огромного размаха строительная деятельность, дававшая заработки простонародью, привлекали многих людей, которым, пожалуй, даже импонировало отсутствие у принцепса сенатской *gravitas*²⁶. И при известии о конце Нерона, как отмечает Тацит (Hist. I. 4), те, кто привык к цирку и театрам, оплакивали его смерть. Радовались же его гибели сенаторы, знатные всадники (об остальных всадниках Тацит скромно умалчивает) и та часть народа, которая была связана со знатными семьями, а также клиенты и отпущенники осужденных и изгнанников, т.е. фактически верхушка римского общества и ее клиентела. Гальба, обращаясь к Пизону при его усыновлении, говорил, что о Нероне жалеют худшие, но от них, Гальбы и Пизона, зависит, чтобы не пожалели о нем и хорошие. Бездарное управление Гальбы, который, по словам Тацита (Hist. I. 49), считался бы достойным империя, если бы не стал императором; волнения, связанные с переворотом Отона; тяготы гражданских войн, которые начало ощущать население Рима (I. 89), – все это привело к тому, что число испытывавших ностальгию по нероновским временам увеличилось. И Вителлий сделал из этого выводы. Он демонстративно подчеркивал уважение к памяти Нерона, совершив в том числе жертвоприношения в честь покойного императора (Suet. Vitell. 11. 2). И Вителлию удалось завоевать симпатии римского плебса.

Как в свое время установлению единовластия Калигулы в немалой степени способствовала городская толпа, ворвавшаяся в курию (Suet. Cal. 14), так и теперь в решающий миг на защиту Вителлия выступил римский плебс. После поражения под Кремоной народ потребовал оружия (Tac. Hist. III. 58). Когда же Вителлий, потеряв голову от постоянных поражений и измен, решил сложить с себя власть, народ, собравшийся на сходку, решительно выступил против этого и принудил императора вернуться на Палатин (Tac. Hist. III. 68). И когда слухи об отречении будто бы подтвердились, не только вителлианские солдаты, но и городской плебс выступил против флавианцев. В осаде и пожаре Капитолия участвовали, как кажется, только солдаты, но часть плебса активно выступила за убийство Сабина, явно, чтобы отрезать Вителлию путь к отступлению (Tac. Hist. III. 68; 74). Последнее событие можно, конечно, рассматривать и как обычное восторженное присоединение толпы к победителю (вспомним, что и сам Вителлий после поражения стал жертвой части толпы – Tac. Hist. III. 85). Но обстоятельства взятия Рима флавианцами заставляют несколько иначе смотреть на поведение плебса. Сравнительно незначительная победа вителлианцев над конницей Петелия Цериала так вдохновила народ (*studia populi aucta*), что городская чернь (*vulgus urbanum*) взялась за оружие (*ibid.* III. 80). Правда, неопытный в военном деле плебс был легко рассеян атакующими конниками (III. 82), но важно его активное участие в уличных боях и преданность Вителлию даже в безнадежных обстоятельствах²⁷.

Почему же значительная часть плебса поддерживала Вителлия вплоть до его печального конца? Ответить на этот вопрос нелегко. Казалось бы, бесчинства солдат, расположившихся в Риме, как в завоеванной стране, должны были отвратить римлян от главнокомандующего этой разложившейся армии. Но, может быть, основная масса горожан не так уж и страдала от действий распоясавшихся солдат, поскольку с нее взять все равно было нечего? Ц. Явец полагает, что объяснение, возможно, состоит в том, что Вителлий позволил народу в условиях надвигающегося голода получить хлеб из военных лагерей и что слух (кстати, небезосновательный) о намерениях Веспасиана

²⁶ Yavetz Z. Plebs and Princeps. Oxf., 1969. P. 16, 121–129.

²⁷ Конечно, не надо преувеличивать народную поддержку Вителлия. Значительная часть населения Рима принадлежала к тому «молчаливому большинству», которое и в самые решающие моменты спокойно занимается своей повседневной жизнью, как это видно из рассказа Тацита (Hist. III. 83) о поведении многих римлян во время уличных боев в городе, а какая-то часть даже поспешила удостоверить свою преданность новому правительству, надругавшись над свергнутым принцепсом (III. 85). Но активная часть плебса зарекомендовала себя преданными сторонниками Вителлия.

уморить Рим голодом увеличил симпатии к Вителлию²⁸. Р.Ф. Ньюболд также считает, что господство флавианцев на море отрезало Рим от источников продовольствия, а контроль Веспасиана над значительной частью доходов империи еще более ухудшал положение римлян, мечтавших о скором окончании гражданской войны, но пожар Кремоны так их устрасил, что флавианцам они уже не доверяли²⁹. Во всех этих объяснениях есть, вероятно, доля истины, но едва ли это – полная истина. Тяготы гражданской войны должны были все же настроить городскую массу скорее против Вителлия, ибо психология толпы такова, что в трудных обстоятельствах она обычно винит существующее правительство, независимо от наличия или отсутствия его реальной вины. Да и уничтожение Кремоны должно было скорее напугать римлян, чем возбудить жажду сопротивления победоносному врагу.

Думается, что ответ дает сам Тацит, говоря о некоторых мероприятиях Вителлия и его поведении. При провозглашении Вителлия императором тот принял необычное для принцепса, не принадлежавшего к роду Клавдиев, имя Германик, дав его и своему новорожденному сыну (Tac. Hist. I. 62; II. 62; Suet. Vitel. 8.2). Это имя вызывало целый ряд ассоциаций, но для нас сейчас важно, что Германик был очень популярен среди римского народа³⁰. В связи с этим можно вспомнить обстановку в Риме после смерти Тиберия и приход к власти Калигулы. Светоний (Cal. 13) описывает, как новым императором восторгался весь римский плебс ради памяти Германика. И уже принятие этого имени вместе с подчеркнутым уважением к памяти Нерона должно было придать Вителлию популярность.

В том же направлении шли и некоторые политические меры Вителлия. По-видимому, он вернулся к практике созыва избирательных комиций. В свое время они были отменены Тиберием, хотя, вероятно, это был не единовременный акт, как можно судить по сообщению Тацита (Ann. I. 15), а относительно длительный процесс перенесения выборов в сенат, завершившийся тем, что избрание по крайней мере высших магистратов, особенно консулов, стало формально прерогативой сената (хотя на деле их назначал принцепс)³¹. Вителлий принял пост пожизненного консула, но избрание своих коллег (не только нынешних, но и будущих, ибо он определил должностных лиц на десять лет вперед – Suet. Vitel. 11) он оформил через избрание народом. Тацит (Hist. II. 91) говорит, что Вителлий, как подобает гражданину, во время консульских комиций (*comitia consulum*) со своими кандидатами искал одобрение плебса. Стремление к одобрению его кандидатов плебсом было бы бессмысленным, если бы консулы по-прежнему избирались сенатом. Это сообщение Тацита можно рассматривать как свидетельство ликвидации Вителлием реформы Тиберия. Новый император дал явный знак, что он намерен опираться на римский народ.

Тацит прибавляет и сообщение о других его шагах – о том, как он рукоплескал в цирке, как простым зрителем присутствовал в театре, как прислушивался к мнению плебса. Тацит при этом отмечает, что это было бы популярно и вызывало благодарность, если бы не память о его прежней бесчестной и низкой жизни. Оставим оговорки на совести историка. Факты показывают, что популистское поведение Вителлия принесло ему политические дивиденды. Даже в момент своего неудачного отречения он протягивал народу своего ребенка, умоляя его защитить жизнь младенца (Tac. Hist. III. 68), и это тоже, разумеется, импонировало толпе. Римский плебс встал на защиту своего императора. И потерпел поражение.

Итак, в ходе гражданской войны 68–69 гг. были разгромлены те силы, которые особенно упорно выступали против интеграции провинций в общесредиземноморское государство. Вместе с Гальбой был разгромлен сенат, вместе с Вителлием – плебс. Но можно говорить и о поражении Рима вообще.

²⁸ Yavetz Z. Vitellius and the «Fickleness of the Mob» // *Historia*. 1969. 18. P. 557–569.

²⁹ Newbold R.F. Vitellius and the Roman Plebs // *Historia*. 1972. 21. P. 308–319.

³⁰ Yavetz. Plebs and Princeps. P. 110 ff.

³¹ Donney G. Tiberiana // *ANRW*. II. 2. 1972. P. 116; *Gagé*. Op. cit. P. 85.

Когда на последнем этапе войны военные действия перенеслись на территорию Средней Италии, последняя в основном выступила на стороне флавианцев. Восстание Мизенского флота привело в движение муниципии и колонии (Тас. Hist. III. 57). Старое соперничество Капуи, куда при Нероне была выведена колония ветеранов (Тас. App. XIII. 31), и Путеол, где недоразумения с Нероном имели место еще в 58 г. (XIII. 48), привело к переходу последнего города на сторону Веспасиана, которого поддерживали самниты, марсы, пелигны (Тас. Hist. III. 59). Именно эти народы были некогда среди инициаторов и активнейших участников Союзнической войны (App. Bell. civ. I. 39). Поддержка Средней Италии если и не была решающей, то все же способствовала победе Веспасиана.

Победив, Веспасиан «высшие сословия, и истощенные различными убийствами, и запятнанные старым небрежением, очистил и пополнил» (Suet. Vesp. 9. 2). Аврелий Виктор (Caes. 9.9) утверждал, что в результате жестокостей тиранов, т.е. императоров династии Юлиев–Клавдиев, в сенате к тому времени осталось всего двести человек. Может быть, это число чрезмерно преуменьшено³², но в любом случае можно говорить о резком сокращении количества сенаторов, причем происходило оно преимущественно за счет наиболее знатных и старинных родов, ставших главными жертвами Юлиев–Клавдиев, а также в силу малодетности, а то и бездетности сенаторских фамилий³³. Используя старинную цензуру (*censu more veterum exercito*)³⁴, Веспасиан увеличил число сенаторов до тысячи человек, привлекая для этого, по словам Аврелия Виктора (Caes. 9.9), лучших людей отовсюду (*undique*). Светоний (Vesp. 9.2) уточняет, что и в число сенаторов, и в число всадников он включал достойнейших и честнейших людей из жителей Италии и провинциалов, изгоняя при этом недостойных.

Это привело к резкому изменению соотношения сил в высших сословиях империи. Если раньше сенаторы более или менее благополучно ассимилировали «новых людей» из муниципиев и провинций, то теперь представители старой римской аристократии были буквально растворены среди новопришельцев. Практически изменился, и весьма радикально, правящий класс империи³⁵. Видимо, можно говорить о завершении целой большой полосы истории, последовавшей за Союзнической войной, в результате которой был нанесен решительный и принципиальный удар по Риму как полису³⁶. Но реально процесс предоставления гражданских прав жителям Италии завершился, по-видимому, только при Августе³⁷. Однако представители италиков, включенные во властные структуры, как было сказано, растворялись среди римского нобилитета. Теперь, напротив, именно они, как и провинциалы, выходят на передний план.

Это имело огромное значение для всей последующей истории Рима. В историческом плане барьер между Римом и Италией был важнее и значительнее, чем между Италией и провинциями. Окончательное крушение этого барьера превращало Рим из полиса, стоявшего во главе огромной державы, в столицу территориального государства. Преимущество в этом государстве пока имели италики, составлявшие большинство среди правящих сословий (из сенаторов, происхождение которых нам известно, италики и римляне составляли при Веспасиане 83,2%³⁸). Но путь ко все большему включению провинциальной элиты в руководящие институты государства был открыт,

³² Г. Бенгтсон полагает, что к тому времени сохранилось не менее трехсот сенаторов: *Bengtson. Op. cit. S. 90.*

³³ *Alföldy. The Social History... P. 118; Hammond M. Composition of the Senate, A.D. 68–235 // JRS. 1957. 47. P. 75 f.*

³⁴ О роли цензуры в деятельности Веспасиана см. *Weynand. Flavius. 206 // RE. Hlbd. 12. 1909. Sp. 2655; Torrent A. Para una interpretación de la «potestas censoria» de los emperadores Flavios // Emerita. 1968. 36 P. 225 s.; Levi. Op. cit. P. 187s.; idem. I Flavi // ANRW. II. 2. 1972. P. 197; Bengtson. Op. cit. S. 89.*

³⁵ *Bengtson. Op. cit. S. 88–92, 113–120.*

³⁶ Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 29–31, 208 сл.

³⁷ Егоров. Ук. соч. С. 114; Заборовский Я.Ю. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985. С. 63 сл. Прим. 25.

³⁸ *Hammond. Op. cit. P. 77.*

и число провинциалов в сенате неуклонно увеличивалось. При Домициане их доля составила (из числа, естественно, тех, чье происхождение известно) уже 23,4%, при Траяне – 34,2%, а при Адриане – 43,6%³⁹.

Таким образом, гражданская война 68–69 гг. нанесла решительный удар по тем консервативным силам, которые были кровно заинтересованы в сохранении старого положения, в господстве римского полиса над огромной державой. Реформы Веспасиана закрепили новое положение вещей. Переходный период между полисной державой и средиземноморской империей завершился. Теперь можно говорить о создании средиземноморской державы, интегральной частью которой становятся провинции и столицей которой является Рим.

Ю.Б. Циркин

THE CIVIL WAR OF 68–69 AD AS A STAGE IN THE DEVELOPMENT
OF THE ROMAN MEDITERRANEAN POWER

Yu.B. Tsirkin

Building up an integral Mediterranean state instead of a conglomeration of provinces proved to be a long process. Under *Iulii–Claudii* this process was constantly hampered both by the old Roman senatorial nobility and by the self-interested plebs. The Civil War of 68–69 AD frustrated these very forces. Their defeat opened the way to Vespasian's reforms, which consolidated the new *status quo*. Thus the transition from a *polis* state to the Mediterranean Empire was accomplished.

© 1999 г.

НАДПИСАНИЕ
«ПЕСНЬ ВОСХОЖДЕНИЯ» У АВГУСТИНА

Псалмы 119–133 (по счету Септуагинты), каждый из которых имеет надписание (заголовок) «Песнь восхождения» (др.-евр. *šir hamma'ālōt*, Септ.: *ψδη ἀναβαθμῶν*, лат. *canticum graduum*) составляют внутри Псалтири особую группу. Традиция интерпретации этого надписания, как и самих этих псалмов, весьма богата. Вопрос, ответ на который мы попытаемся дать здесь, касается понимания надписания «Песнь восхождения» у одного из самых значительных интерпретаторов Псалтири на латинском Западе – Аврелия Августина, который упоминает это надписание не только в толкованиях на псалмы 119–133, но и в ряде других своих произведений.

Конкретная задача данной работы – выяснить, предполагал ли Августин какой-нибудь буквальный смысл в надписании псалмов 119–133 «Песнь восхождения» (или, если дословно передавать латинский вариант надписания *canticum graduum*, – «Песнь ступеней»). Выяснение деталей понимания Августином смысла этого надписания поможет четче рассмотреть экзегетические позиции данного автора, во многом суммировавшего опыт предшествовавших поколений толкователей и применявшего законченную, целостную систему интерпретационных приемов; в частности, мы сможем наблюдать, каково реальное место «буквы» Священного Писания в глазах Августина. Известно, что в интерпретациях Августина могут сосуществовать буквальное и аллегорическое толкование текста Писания; известно также, что он часто предпочи-

³⁹ Ibid.